

An abstract painting featuring two stylized human figures. The figure on the right is larger and more prominent, rendered in vibrant reds, oranges, and yellows, with dark, expressive brushstrokes. The figure on the left is smaller and more ethereal, composed of lighter blues, whites, and pinks. The background is a complex interplay of muted greens, greys, and blues, suggesting a landscape or an interior space. The overall style is expressive and modern, with a focus on bold colors and dynamic forms.

БЕНУА КЛЕМАН

Жизнь ²

Роман

Бенуа Клеман

Жизнь в квадрате. Роман

«Издательские решения»

Клеман Б.

Жизнь в квадрате. Роман / Б. Клеман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852694-7

Она написала то, на что надеялась: «Однажды наши души найдут друг друга на этом балконе в бесконечности» и подписалась: «С нежностью, Дафне»... С этого дня Симфони, старый пианист, слепой и лишенный памяти, ищет эту загадочную женщину. «Вы, случайно, не видели Дафне?» — эти слова он повторяет постоянно. В самом ли деле Дафне пряталась где-то в минувшем, надежно спрятавшись в его мертвой памяти? У него осталась лишь сухая маргаритка, которую он вертит в руках, в воспоминаниях, вертит, чтобы жить...

ISBN 978-5-44-852694-7

© Клеман Б.

© Издательские решения

Содержание

Другие произведения автора	6
Жизнь2	7
I	8
II	10
III	11
IV	13
V	14
VI	15
VII	17
VIII	18
IX	19
X	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Жизнь в квадрате

Роман

Бенуа Клеман

Переводчик Алла Кочубей

© Бенуа Клеман, 2017

© Алла Кочубей, перевод, 2017

ISBN 978-5-4485-2694-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЕНУА КЛЕМАН

.... в первую очередь он – мечтатель, которому посчастливилось открыть для себя музыку в раннем детстве. В свои пять лет он уже терроризирует всю свою семью, проводя многие часы за ударными инструментами, полученными в качестве самого прекрасного подарка в день рождения. Его родители были очень терпеливы и охотно приняли его увлечение. Вскоре они поняли, что мальчик полон энергии, и музыка станет для него языком, с помощью которого он сможет выразить себя в полной мере. Что он и сделал, да еще с таким удовольствием! Лара Фабиан, Франс д'Амур, Рок Вуазин, Шарль Дюбе, Жонас, Гару и «Цирк дю Солей» – это лишь некоторые из известных имен, с которыми он много работал на протяжении своей карьеры, продолжающейся до настоящего времени.

Его отец, который трудился на литературном поприще, и дальнейшая его встреча с женщиной подарили автору новые жизненные горизонты. Бенуа почувствовал силу слова и открыл для себя писательский труд, словно кислород для жизни, и новое поприще для самовыражения.

С этого момента, ноты партитуры и слова в рукописях стали его жизненной необходимостью. Бенуа, человеку, эмоциональному от природы, создание литературных произведений позволило выражать свои чувства в новой форме, которые до этого он мог выразить лишь с помощью музыки. Он находит в ритме литературных фраз силу выражения, равную языку музыки. Этот загадочный симбиоз, который, говорят, существует между музыкантами, он находит и во взаимодействии между писателем и его персонажами.

Несколькими годами позже, после создания 10 романов и двух сборников новелл, он решил выпускать свои собственные издания, чтобы разделить удовольствие, которое он по-прежнему чувствует, находя музыку и созвучия, нередко затаившиеся в тишине фраз за тонкой обложкой книги, вдохновляющей нас.

Другие произведения автора

Пианиссимо
Вальс для исчезнувших
Разрушитель снов
Старый дуб
Исчезновение
Часть теней
Маленький Аллах или безумная невесомость
Сборник новелл
Только смерть бессмертна
Прямо из пустыни

Иллюстрация обложки Френсис Босан

[битая ссылка] www.baucan.ru

Веб-сайт издательств, чтобы сделать заказ или оставить комментарий автору.

[битая ссылка] www.editionscalliope.ca

Все права защищены во всех странах. Любое воспроизведение этой книги полностью или ее части любым возможным способом запрещено без письменного разрешения автора.

Официальный хранитель – библиотека и национальные архивы Квебека. 2012 год

Официальный хранитель – библиотека и архив Канады. 2012 год

Жизнь²

Роман

Все эти слова, которые рождаются и умирают, они исходят от тебя...

Отношения между жизнью и смертью точно такие же, какие существуют между тишиной и музыкой. Тишина предшествует, а музыка следует за ней.

Даниэль Баренбойм

I

Он был там, с печальным лицом, затерянным в дыму, абсолютно один, продолжая свой вечный монолог.

С вами такое случалось, чтобы ваша судьба была предначертана одной особе до такой степени, что ничто другое вокруг вас уже не существует? Чувствовать, что ваша память живо обращается к мельчайшим деталям, связанным с этой особой, и у вас складывается впечатление, будто вы шарик, путешествующий в океане мглы.

Любовь приводит к слепоте, скажете вы, я тому живое доказательство. Но из-за трудностей, сопровождающих меня по жизни, ее лицо возникает в сознании, словно ярко освещенная картина, отражаясь во мраке моего бытия...

Разве темные воды не являются прекрасными зеркалами?

Молодой человек, мывший фужеры за стойкой, слушал это долгое повествование, пока поток холодного воздуха не заставил его содрогнуться.

— *Я думаю, что настало время возвращаться, Симф. Ваша сестра пришла,* – сказал бармен.

— *Моя сестра?*

Пожилая дама медленно приближалась к ним. Ее седые переливающиеся волосы отражали завитки дыма, который постоянно парил в воздухе к концу вечера в этой джазовой шка-тулке. Тем не менее, несмотря на свои годы, дама сохранила таинственные остатки красоты, которая исходила от неё с естественной элегантностью.

— *Кстати, молодой человек, я надеюсь, что мой брат не утомил вас своими беседами и создал проблем этим вечером?*

— *Не более, чем всегда,* – ответил ей бармен, смеясь. *Увидимся завтра вечером, Симф,* — сказал он старому человеку.

— *Ох! Вы знаете меня, вчера или завтра... Но мне приятно с Вами познакомиться, молодой человек...*

— *Жюльен. Как и прежде, Жюльен...*

— *Пойдем. Приятного окончания вечера и до завтра...*

Человек распрямил свою белую палку и направился между столиками заведения, солидно поддерживая под руку старую даму, которая на прощанье подарила бармену свою самую очаровательную улыбку.

На следующий день, вечером, Симфони, как и обычно, должен был выступать в «Голубой стрекозе». Портье позаботился о том, чтобы проводить его до сцены и длинного рояля, который находился сзади, в постоянном ожидании мэтра.

У Симфа уже было все необходимое, чтобы дать волю своему инстинкту и желаемому совершенству звучания. Он не выносил того, чтобы хотя бы одна из нот находилась не там, где она должна быть, когда он озвучивал всю ту музыку, которая в нем жила. Он знал, что эта диссонансная нота могла бы стать подобием груза для пальцев, неосознаваемого им, которого хотелось избежать. Каждый вечер он суетился, настраивая рояль с тщательностью хирурга, заставляя свой инструмент предоставлять ему такую желанную музыкальную свободу.

Музыка была языком Симфони, голосом, который отражал всю его восприимчивость, словно тонкая струйка влаги, которой он заботливо поливал пространство своей долгой жизни.

Еще до того, как появились первые клиенты, чистота нот уже захватила старого пианиста и они очерчивали абстрактные узоры в сумрачном пространстве, постоянно задавая свой такт.

Вероятно, слепой «видит» вещи немного по-другому, чем те, для кого доступны картины жизни.

Со своей стороны, Симфони должен был постоянно проецировать свой взгляд на внутренний мир, обращаться к той неизмеримой памяти о том, что он уже очень давно видел. К несчастью, его память заклинило в тот день, когда даже его глаза и мозг предпочли больше ничего не видеть.

Сегодня, как и обычно, «Голубая стрекоза» была заполнена десятками любопытных и завсегдатаями, пришедшими послушать мэтра за роялем.

Несмотря на годы, прошедшие уже на этой сцене, Симфони ощущал почтительное притяжение к Монреалю. Великолепное выступление этого старого человека обновлялось от вечера к вечеру, никогда не увязая в репетициях.

Если даже фактически Симфони не мог вспомнить, что было несколько минут назад, бессознательный голос, казалось, переносил и сопровождал его в музыкальной вселенной, где вечная искра вдохновения встречала его.

* * *

«Вы знаете, что человек это существо достаточно более сложное чем то, каким его себе представляют... Я твердо убежден, что в нас есть силы более значительные и еще более загадочные, чем простое научное объяснение этих миллиардов нейронов, которые взаимодействуют между собой... Вот, я, например, все время играл на рояле для женщины, даже еще ее не зная того, что однажды наши пути пересекутся, и я всего лишь думал о ее глазах, как о неиссякаемом источнике чувств, спонтанно превращающемся в музыку...»

Жюльен вновь вспоминал эти неожиданные для него слова великого пианиста, сказанные во время их первой встречи; слова, которые взволновали его навсегда. Молодой человек не комментировал музыкальные изыскания Симфони, часто пытаясь понять невидимую сторону этого человека. Его внутренние качества обнаруживались как в его музыке, так и в манере говорить о его жизни в музыке, даруя ей место, отличное от ординарного.

Этот магнетизм, который возбуждал толпы слушателей уже около десяти лет, теперь простирался на большее количество октав, чем мог предложить ему инструмент.

В период их первого знакомства Жюльену было 22 года. Он чувствовал себя исключительно уязвимым в результате нескольких безуспешных любовных историй, которые время от времени уносили его в мгновения восторженности и следовавшими затем болезненными разрывами. Тем не менее, он был удивлен, обнаружив в этом старом человеке такие трогательные мысли. Мысли, которые прекрасно объединяли его собственное представление о странных связях, которые порой связывают отдельных людей между собой. Он хотел бы и сам убедиться в том, что это единение может существовать в реальности, но годы шли, и только история Симфони позволяла ему сохранять тонкий лучик надежды, что не все еще потеряно...

Основой их отношений была, вероятно, необъяснимая дружба, которая странным образом существовала между ними, поскольку день за днем все должно было начинаться сначала.

В конце концов, Симфони говорил с Жюльеном только тогда, когда он находился в «Голубой стрекозе». После того, как он играл на рояле в течение многих часов подряд, старый пианист самостоятельно преодолевал путь между столами, потом он скромно садился на скамейку, которая была всегда приготовлена для него возле бара. Трепетным голосом он спрашивал у бармена:

«Вы, случайно, не видели Дафне?»

II

Рафаэль удобно устроился под одеялом в своей кровати с книгой, которую он знал наизусть. Его богатое воображение рисовало образы, которые трансформировались в неисчислимые истории.

С высоты своих семи лет он любил рассказывать коту об удивительных приключениях, которые он выдумывал по мере того, как переворачивал страницы, быстрее, чем прочитывал текст. Точно так же, как это раньше делал его отец, прежде, чем выключить свет в его комнате. Рафаэль вновь брался за свою книгу в темноте и приглашал кота, который тотчас прыгал под теплое одеяло, накрывавшее ребенка. Свет карманного фонарика нашептывал ему продолжение того, о чем так увлекательно рассказывал отец. Его феноменальная память позволяла сохранять самые яркие моменты всех других историй, которые были рождены теми же самыми картинками, спустя месяцы. Затем он засыпал с твердой убежденностью реально существующей возможности погрузиться в лоно этого приключения, и тогда его голос медленно затихал, чтобы превратиться лишь в простые нежности, обращенные к коту, который мирно мурлыкал сбоку.

Рафаэль просыпался каждое утро под звуки прелюдий Шопена, любимого композитора его матери, которая виртуозно его исполняла. Тогда он оставался в кровати, чтобы послушать игру с закрытыми глазами, растворяясь во вселенной или в звучании музыки, как в историях, которые создавали в нем многочисленные образы.

Это был ритуал его матери, начинать день с рояля, как многие начинают его с кофе. Она играла до тех пор, пока не приходил отец Рафаэля и, невольно нарушая эту магию, изображал оперного певца, чтобы разбудить детей своим сильным утренним тенором. Он всегда начинал с комнаты своего сына и выдумывал слова на иностранном языке под музыку, которые подходили для этого произведения. Затем оба шли, чтобы прыгнуть на кровать Марии, его сестры, которая притворялась спящей и бурчала до тех пор, пока также не была побеждена этим всеобщим хорошим настроением.

Рафаэль обожал эти моменты согласия семейного квартета, несмотря на то, что смех, песня, музыка и крики его сестры создавали настоящую какофонию, но в то же время и великое созвучие человеческой теплоты.

К этому возрасту мальчик открыл для себя ассоциативную мощь этих маленьких пальцев в контакте с клавишами рояля, сделанными из слоновой кости. Уже в течение нескольких лет у него появилась привычка устроиться на скамейке вблизи от матери в то время, как она музицировала. Она исполняла каждый отрывок сначала с нежностью, потом медленно, ее пальцы скользили по клавиатуре, легко предаваясь музыке.

Когда она играла, Рафаэль незаметно наблюдал за руками матери, которые очень элегантно танцевали по клавишам, потом, когда заканчивалась музыка, она складывала пальцы точно так, как она прикасалась к нотам, не осмеливаясь однако надавить на них, чтобы не разрушить очарование мгновения. Она испытывала огромное удовлетворение, словно именно она написала это произведение.

Мать пыталась приучить его к удовольствию игры на рояле, но Рафаэль всегда отказывался от этого. Скорее всего, тот ждал благоприятного момента, позволившего бы ему полностью насладиться счастьем, которое он постиг. Тем не менее, ей удалось обучить его не только сольфеджио, но и базовым ритмам в возрасте четырех лет. Мальчик забавлялся, напевая партитуры, которые его мать специально оставляла на пианино.

III

Вы, случайно, не видели Дафне?

Жюльен поставил на стойку два пива, которые он только что заказал, потом подошел к Симфони, чтобы с ним поздороваться. Это он дал такое имя маэстро на другой день после их знакомства. Имя Симфони возникло благодаря исключительному музыкальному таланту его обладателя. И более того, оно родилось благодаря единству колорита, который сдержанно исходил от его слов, равно как и от его молчания.

У Жюльена не было возможности открыть для себя музыку в молодости, она проистекала больше от городских переулков, чем от класса фортепиано. Но он вспоминал, где он впервые услышал Бетховена. Это было во время бесплатного концерта Симфонического оркестра Монреалья, в парке Лафонтен. Ему было тогда восемнадцать лет, и он онемел от могущества этой музыки, которая заставила его необъяснимо трепетать. Потом Жюльен прослушал и прочитал все, что он смог найти об этом великом композиторе.

Именно тогда он косвенно связал глубокий смысл пауз в произведении Бетховена с паузами старого пианиста, и поэтому дал ему простое прозвище Симфони.

Еще один великий вечер, Симф! Ах, нет... Дафне никогда не было здесь, но мне кажется, что я настолько хорошо ее знаю, что, если она появится в баре, я не сомневаюсь, что мгновенно узнаю ее...

Старик печально вздохнул, но несколькими секундами позже он уже не вспоминал о том, что только что ему сказал Жюльен.

— *Я вам рассказывал уже, как я с ней познакомился?*

Не ожидая ответа бармена, Симфони вновь начал повествование, в две тысячи двести двадцать седьмой раз со дня их первого знакомства.

— *Я был в Квебеке, я не знаю по какому вопросу, но точно, в отеле «Кларандон», в старом городе... Чудесный отель... Я расположился в номере у края открытого окна, чтобы полюбоваться весенним пробуждением природы, охватившим город уже в течение нескольких дней, и в тот миг мой взгляд остановился, как зачарованный, при появлении в соседнем окне молодой женщины... У нее были длинные, слегка выющиеся волосы цвета мокрого песка, в которых отражались яркие лучи света... Я отчетливо помню то мгновение, когда она обернулась, впервые прикоснувшись ко мне мерцанием своих волнующих глаз... Они были такими большими, и в них было какое-то удивление... Тогда я сказал себе, что эта женщина должна воспринимать мир с живостью тех людей, которые всегда ожидают от него чего-то непредвиденного. Её великолепно очерченные брови придавали еще больше выразительности ее лицу... Их изгиб обрамлял, словно декоративная рамка, выразительность ее взгляда... Это было сильным потрясением... Даже тонкий аромат ее духов, долетавший до меня, был околдовывающим и создавал впечатление, что слушаешь Билла Эванса, импровизирующего на рояле... В этот момент я смог лишь застенчиво улыбнуться, взволнованный этой женщиной, которая воплощала в себе одной всю ту музыку, которая звучала во мне...*

Так мы оставались, лицом к лицу, будучи не в состоянии разговаривать, хорошо понимая, что после этого мгновения не будет ничего подобного...

— *Я знаю продолжение наизусть, но обожаю слушать, как вы рассказываете, Симф,* — сказал ему Жюльен, который расставлял бокалы в глубине бара.

Симфони прекрасно понимал, что его кратковременная память полностью исчезла. Поэтому он очень часто извинялся, но не тогда, когда он рассказывал историю о Дафне. Он погружался в пространство своей жизни, которое замечало только один определенный её период, бывший, скорее, её душой.

Надо было видеть этого человека, рассказывающего историю во всех деталях так, что создавалось впечатление, будто вы смотрите захватывающий фильм. И это был он, тот, кто порой не мог вспомнить, что он сделал несколькими мгновениями ранее.

Симфони, казалось, вновь переживал эти мгновения с той же экспрессией, словно человек, приговоренный к смерти, курит перед палачом свою последнюю сигарету.

– Тогда я закрыл свои глаза, чтобы немного прийти в себя, но, открыв их, уже не обнаружил ее...

Надо было обязательно ее найти, и я чувствовал непреодолимое желание вручить ей цветы... Но какие цветы могли выразить бесконечность этого мгновения?

Самым невероятным было то, что мне даже не хватило времени, чтобы выйти из комнаты, когда она оказалась уже здесь, перед моей дверью, протягивая мне свой рисунок с маргаритками... Этот обрывок бумаги я храню всегда...

Симфони порылся в кармашке своего бумажника и бережно вытащил оттуда то, что, вероятно, было когда-то рисунком цветка, сложенного и развернутого не одну тысячу раз за эту жизнь.

IV

Этим прекрасным зимним утром Рафаэль решил преподнести большой сюрприз своей матери. В один из тех дней, когда чувствуешь себя окончательно готовым сделать то, что ранее казалось невозможным. Ночью он оставил открытыми шторы в комнате, чтобы солнце разбудило его раньше всех. Тогда он взволнованно занял место у рояля, поставил туда партитуру, которую он прихватил у матери несколько недель тому назад, и положил свои короткие пальцы на клавиатуру.

Ранее Рафаэль прекрасно отдохнул в кровати, спрятавшись под одеялом со своим котом и папкой, где ему мама рисовала ноты клавиатуры, чтобы научить его сольфеджио. По этому изображению он мог обучаться партитуре одним движением за другим на воображаемом рояле, не производя ни единого звука. Однако он их слышал. Музыка звучала в нем интуитивно, простым воспоминанием написанных нот. Рафаэль еще не знал, что не каждому дано инстинктивно слышать каждую ноту, составляющую аккорд, и даже уметь их назвать. Для него же это упражнение казалось таким естественным! Ему надо было лишь выучить семь нот гаммы, чтобы с точностью ассоциировать их со звуками, которые он постоянно слышал в себе.

Чудесным образом, его пальцы начали скользить по роялю к удивлению его матери, которая из своей комнаты слышала первые такты этюдов Шопена.

Рафаэль был мгновенно покорен инструментом. Его пальцы перемещались по клавиатуре и с блеском передавали то, что всегда звучало в его голове. Но эта новая музыка была другой. Он ощущал теперь пленительное впечатление придания формы этому внутреннему голосу.

Рафаэль великолепно играл многочисленные репризы пьесы, которую он выбрал, а его мать оставалась все это время в комнате, слушая, чтобы не нарушить чарующую гармонию, которая только что родилась между его сыном и музыкой.

V

– Какая замечательная маргаритка! Признаться, я даже не могу вообразить, как Вы сохранили ее в течение такого длительного времени... Я никогда не был способен собирать такие сувениры... Кажется, что, не отдавая себе отчета, я предпочитаю складывать мои любовные истории в сундук на два оборота ключа, чтобы забыть о них как можно быстрее...

Жюльен рассматривал край бумаги, который был когда-то цветком в руке старого человека. Он мог почувствовать всю осмотрительность Симфони, с которой тот всякий раз доставал и разворачивал свое самое большое сокровище на глазах у бармена. Тогда его лицо озярлось, создавая невероятный парадокс между его реальным возрастом и этой молодостью, которая скользила едва уловимо в нем, как нежное воспоминание, которое не кончалось. Даже цвет его кожи менялся в эти минуты, обретая розовый оттенок, который блестяще контрастировал с его длинной белой бородой.

– Если бы вы знали сколько часов мы провели вместе, гуляя в этот день, даже не зная, куда мы идем... И как мое сердце почувствовало тогда чистоту этого мгновения аллегро, которое нас переносило так далеко...

Старый Квебек никогда не казался мне таким необыкновенным, как в эти мгновения, как будто каждый камень был положен к нам под ноги с единственной целью: подарить нам окрестности города, которые выросли перед нами исключительно для нас...

Я был взволнован и так счастлив находиться в такой милой кампании... Мы шли спокойно, по воле наших инстинктов, остановившись в конце концов, в чайной, где выпили самый восхитительный горячий шоколад...

Разговоры были редкими и робко велись во время всей нашей прогулки, но, прибыв туда, очарованные этой нежной томностью атмосферы кафе, дороги нашей жизни открылись, как автомагистраль без ограничений в скорости...

Жюльен улыбнулся ему. Он всегда любил это описание автомагистрали и живо воображал себе напряженность той сцены, о которой рассказывал Симфони с особенной страстностью.

– Но почему эту ночь вы провели отдельно? – спросил его молодой человек, чтобы еще больше наполнить рассказ подробностями.

Симфони неожиданно удивился.

– Откуда вы знаете, что она ушла?

Не ожидая ответа бармена, он продолжил историю.

– Самое худшее было в том, что она не объяснила мне ничего... В какой-то момент она непрерывно наблюдала за мной, слегка покачивая головой слева направо, словно то, что происходило, вступило в противоречие с могущественным магнетизмом, который тогда нас объединял, затем поднялась, деликатно скользнула поцелуем кончиком указательного пальца моих губ, потом покинула меня, не давая мне возможности ее удержать...

VI

В семье Рафаэля в воскресное утро всегда был запланирован поздний завтрак, проходивший после полудня, в том месте, которое они нашли для его проведения в большом городе Монреале. Рафаэль обожал этот день недели, даже если на следующий день им предстояло возвращение в школу, вместе с его сестрой, которая была старше его на два года.

Обычно вся семья Мерсье шла пешком по улице Мон-Руаяль, которая была заполнена тысячами работников, находившихся в отпусках. Они шли долго к западу, прежде чем отправиться к улице Шербрук, чтобы потом следовать к Риц, где они собирались роскошно позавтракать в ресторане отеля, одного из самых популярных в 50-е годы. Это было их еженедельным безумством, которое они себе позволяли.

Часто летом они заменяли завтрак в Риц роскошным пикником в парке Лафонтен, потом к 13 часам они направлялись в амфитеатр, в то место, где давали фортепианные концерты, театральные пьесы или кукольные спектакли, которые забавляли маленьких детей.

Иногда отец Рафаэля, страстный любитель джазовой музыки, приводил их к старому другу – музыканту, который жил в этом же квартале.

Этот контрабасист всегда громко смеялся, когда они приходили к нему без предупреждения, что очень смущало Рафаэля, и он, со своим ростом восьмилетнего мальчугана, прятался за спину сестры, которая была чуть выше его.

Музыка всегда раздавалась в этой квартире и Рафаэль начал обожать атмосферу джаза, которую он слышал впервые и которая, казалось, заметно отличалась от того, что написал Шопен. Он проводил часы, слушая то, что рассказывает этот человек, чье существование, казалось, было лишь взрывами импровизаций и смеха. Джаз был дыханием его жизни, тогда как контрабас был его сердцем.

Его звали Сэм и его английский акцент, который вибрировал в приобретенных с годами квебекских выражениях, вызывал в нем самом заразительный смех. Тогда все видели его большие белые зубы, которые поразительно контрастировали с чернотой его кожи.

Можно сказать, что серп луны сиял очень часто в небе этими ночами.

Сэм практически постоянно держал контрабас в руках, словно речь шла о длинной трости, которая его поддерживала; потом, как если бы ему нужно было взять дыхание, он внезапно останавливался в самой середине фразы и играл несколько нот прежде, чем продолжить свою мысль.

Совсем молодым он научился играть у своего отца, который сам был контрабасистом, прежде чем его талант привел его в самые лучшие оркестры, везде понемногу, по всему миру. В конце концов, он обосновался в Монреале, утверждая, что время его не спеша догоняет и что женщины здесь необыкновенно красивы.

Сэм горячо любил этот город, который представлялся ему маленьким Нью-Йорком, его родным городом. Тем не менее, чувствовалось едва заметное дыхание ностальгии в его голосе, когда он им описывал очень детально этот огромный город, уникальный в его понимании.

Он им часто объяснял, что Нью-Йорк был, в своем роде, выдающимся космополитом, и ни одно место в мире не могло сравниться с Центральным парком, местом, которое Рафаэль воображал себе как огромные феерические джунгли. Сэм рассказывал с восторгом мельчайшие забавные истории о различных кварталах, где он жил, анекдоты, которые всегда превращались в загадочные истории для детей.

Гринвич, маленькая Италия, Сохо звучали как невероятные обещания для Рафаэля. Он был очарован рассказами этого человека, который говорил такой же эмоциональностью, как и импровизировал на контрабасе.

Между тем, Нью-Йорк слишком сильно изменился, чтобы мечтать о том, чтобы провести там остаток дней. Он предпочитал адаптироваться к спокойствию Монреаля.

На протяжении своей карьеры, старый Сэм играл с самыми великими джазовыми музыкантами. Все эти имена, которые он воскрешал в памяти, звучали как сокровища для Рафаэля. Более того, квартира Сэма была заполнена сувенирами, постоянно порождавшими все новые и новые серии историй, которые тот вновь рассказывал с большим воодушевлением.

Для Рафаэля это место быстро стало наиболее вдохновляющим из пещер Али-Бабы ровно до того дня, когда эта магия прервалась невероятным желанием обжоры услышать, как тот играет на фортепиано...

VII

— Я провел два года моей жизни, не встречаясь с ней... Два года, которые состарили мое сердце быстрее, чем все другие годы, вместе взятые...

Я вспоминаю, что к моему возвращению в отель в тот день, она позаботилась о том, чтобы оставить записку под дверью моей комнаты... Она написала странное слово: «Doppelgänger», что символизирует в некоторых немецких верованиях разновидность двойника – призрака, который может быть объединен с родственной душой. Она также написала, что магия оказывается гораздо мощнее, чем реальность, даже если она эфемерна... Она продолжала, утверждая, что то, что она пережила за несколько часов и тысяч наших взглядов друг на друга было ключом, который судьба преподнесла ей и что теперь она должна научиться безбоязненно встречать того, кто находится по другую сторону дверей... Она завершила свое письмо надеждой на то, что однажды две наши души найдут друг друга на этом же балконе в бесконечности и она просто его подписала:

С нежностью...

Дафне...

У Жюльена всегда становились влажными руки, когда Симфони рассказывал ему эту щемящую душу часть его истории.

Лори тоже покинула его без предупреждения в то время как, по его мнению, они переживали моменты невероятного единения чувств. Он знал, что эти напряженные минуты были, главным образом, той формой ослепления, которая позволяла ему избежать реалий жизни. Иллюзия стать другим неизбежно появилась благодаря именно ей.

Между тем, Жюльен наглядно представлял собой бесталанного человека в математике любви, не способного понять степень хрупкости счастья, смешения ощущений, иногда очень простых, но которые легко могли стать сложными.

Поскольку он находился в конфронтации, ему казалось, что гораздо легче оставить свои заблуждения в данном состоянии и нивелировать горы, которые загромаждали течение его жизни. Спасти свои собственные иллюзии, это ли не самый большой фокус, в который кудесник играл сам с собой?

— Вы никогда не рассказывали, почему в тот день вы поехали в Квебек, – поинтересовался он, чтобы попытаться отклонить траекторию хода его мыслей. Симфони на мгновение прервал свой монолог, чтобы немного подумать, а потом продолжил свой рассказ, не внося даже элементарных объяснений. Жюльен уже привык, что его вопросы остаются висеть в вечной пустоте, и слышать продолжение рассказа в хорошо продуманном повествовании.

Симфони упоительно рассказывал свою великую историю любви и не разрешал никому и никогда менять ее тональность.

— Я все сделал для того, чтобы вновь найти ее в тот день... К несчастью, на стойке администрации отеля мне не смогли помочь, комната была зарезервирована комитетом организаторов представительного фармацевтического симпозиума, который занял львиную долю номеров во всем городе...

Несмотря на мои поиски в десятках мест, где проводилось мероприятие, я не мог найти даже тени ее присутствия.

Жизнь преподносит нам иногда тайны, которые значительно превосходят наши аналитические способности, что не мешает им становиться достоверными фактами, которые нам кажутся необъяснимыми... Я знал, что Дафне никогда больше не покинет мое сердце, с той же уверенностью, как в детстве я сделал музыку образом моей жизни и ни разу в этом не усомнился...

VIII

Рафаэль брал уроки фортепиано уже более двух лет и теперь все вокруг поняли и могли сказать хором, что появился виртуоз. Маленький ребенок десяти лет жил только ради музыки, которая погружала его в мир звуков. Между тем, больше всего он обожал время после полудня в воскресенье с тех пор, как он начал ходить к Сэму, чтобы познать магию импровизации. Он находил чарующим, когда старый контрабасист играл, с ничем не примечательным видом, потом давал в этом пространстве свободу мелодии, не нарушая при этом последовательности аккордов. Он мог бы сравнить джаз с игрой в Лего, которую он обожал, чьи детали, несмотря на свой цвет и определенную форму, позволяли создавать самые невероятные музыкальные аранжировки. Он медленно учился видеть музыку как конструкцию аккордов, взглянув на ноты партитуры.

Сэм иногда разговаривал, играя на контрабасе, а играл он практически всегда. Старый музыкант постоянно улыбался, заставляя напевать свой инструмент, почти как растроганный человек, сжимающий в долгих объятьях любимое и страстно желаемое им существо.

Благодаря музыке старый Сэм обрел ту часть свободы, которую большинство негров не знали в ту эпоху. В Рафаэле отныне жило чувство сознания того, что этот ежедневный подарок ему преподнесли родители. Он имел уникальный шанс соединить свой огромный талант и настойчивую работу наставника во имя свободы, который научил его всем этим краскам, чтобы сделать из его музыки великолепное полотно.

IX

Симфони больше не говорил, он уставился прямо перед собой, словно Дафне могла в любую минуту выйти из-за декораций...

Жюльен вновь подумал о Лоре, чье появление в его жизни уже не казалось ему столь легкомысленным. Она была такой красивой, и он постоянно испытывал некую горечь к этой истории от подозрения, что она успела повредить его защитную оболочку. У Жюльена никогда не было естественного влечения, которым обладают некоторые люди, открывать для себя других, оказывая им, таким образом, свое доверие. Он с давних пор смешивал понятие доверия и ожидания, которые не были удовлетворены в его молодости. Поэтому он любил окружать себя теми, кто легко доверялся ему, но их разговоры часто оставались на поверхности, поскольку бессознательно он нуждался в защите своей собственной оболочки.

Тем не менее, Лора завершила эти отношения, чтобы больше не иметь такого друга, который постоянно закрывал перед ней двери своей собственной уязвимости. Звезда ее Жюльена начала медленно гаснуть и вскоре, неподалеку должна была зажечься другая. Тогда он прекратил закрывать глаза на разочарование от своего собственного отражения, которое он видел в глазах женщины, чувствовавшей реальность во всех ее красках. Даже в то мгновение, когда он пытался полностью освободиться от той тяжести, которая преследовала его, она ушла...

Природа между тем подарила Жюльену атлетически сложенное тело, зеленые глаза, в которых смешались поровну застенчивость и меланхолия, полудлинные, слегка выющиеся волосы, которые отливали светлым тоном и шармом, чарующей загадочной улыбкой, которые покорили не одно сердце. У него было немало девушек до Лоры, но он всегда был разочарован архаичной симметрией любовных игр. Жюльен не находил там себе места и чувствовал, что он не мог по своей вине разделять тот жанр пошлой любви, которая устраивает многих людей. Он превозносил свою личную точку зрения на интимные отношения, совершенно отличавшуюся от той, в которой он прожил свое детство, как и многие другие дети, жертвы своего поколения и бедствий в созданных семьях. В итоге, Жюльен понимал любовь как квинтэссенцию жизни, но он не был способен полностью освободиться от тяжести своей реальности, чтобы, таким образом, погрузиться в абсолютное самозабвение, иногда разрушительное, за исключением, пожалуй, его отношений с Лорой.

Эта женщина его любила, но ее любовь по отношению к нему быстро превратилась в разновидность воронки разочарований, по мере того, как в период развития их отношений масштабы идеалов постепенно сокращались. И она закончила их лишь ощущением тоненькой ниточки дружбы к тому, кого она теперь посчитала возможным заменить.

— Самое худшее в этой истории то, что я не знал ничего, кроме ее имени... Дафне... и профессии, вероятно, связанной с фармацевтикой...

Мои поиски оставались тщетными до вечера, когда я все же надеялся вновь ее встретить...

— Я рассказывал вам о моей страстной приверженности к книгам со времен моей глубокой юности?

Они всегда умели переносить меня в другое измерение, совершенно отличное от того, которое я ощущал посредством музыки... К несчастью, я не читаю больше с тех пор, как со мной произошел несчастный случай... И даже если бы я сейчас был зрячим, я понимаю, что я не обладаю больше логической способностью придавать смысл словам по вине моей памяти... Это как если бы каждый параграф моей теперешней жизни включал в себя и начало, и конец истории... Как бы то ни было, я не испытываю больше необходимости уходить от этого, поскольку я не припоминаю ничего, кроме того, что связывает меня с этой женщиной...

Дафне де Лярош...

Я полагал, что таким было ее имя в тот период, когда я был в Париже, вероятно, для того, чтобы музицировать. Я теперь уже не знаю...

Но я хорошо припоминаю те мгновения, когда я увидел новый роман некоей Дафне де Лярош на витрине книжного магазина... Не знаю почему, но с этого мгновения я был убежден, что это моя Дафне, та, о которой сейчас идет речь...

И потом, когда я прочитал четвертую страницу обложки... Я буквально проглотил эту книгу одним махом... Там я отыскал описание старого Квебека с чувствительностью, которая, как я вообразил, должна была быть линией жизни для той, кого я любил... Восприимчивость, которую она передала посредством бумаги, словно бы для тех, кому легче заставить крутиться мельницу, чем произнести фразу...

Большие года прошло со времени ее стремительного ухода из моей жизни, и теперь я бессознательно пытался всеми средствами наиболее достоверно воскресить свои мысли, бродя до появления легкого французского акцента в воспоминаниях, который был присущ этому красивому голосу... Если бы вы знали, как преуспевает мозг в искусстве побеждать действительность...

Я тогда позвонил Галлимару, который издавал романы Дафне, объяснив ему, что я журналист из Квебека, нахожусь сейчас в Париже и пытаюсь найти ее контакты... Они мне предоставили номер телефона ее агента, который к моей приятной неожиданности, принял меня, вероятно, за кого-то другого и пригласил в полдень пообедать с ними в компании в «Два Маго». Я был так убежден, что найду ее там, что войдя в ресторан, я придумал какую-то годовщину, чтобы метрдотель заранее принес маргаритки для мадмуазель де Лярош, которая согласно его утверждениям, приехала несколькими минутами раньше... Он был удивлен моей просьбе, но как учтивый хозяин, он вступил в игру и направился с моим цветком к столу, где меня ждали Дафне и ее агент... Я проследил за ним взглядом и был буквально ошарашен, увидев мою маргаритку в руках женщины средних лет, которая больше походила на миледи, чем на ангела, для которой были созданы мои крылья...

Этой женщине не удалось меня увидеть. Она, вероятно, полагала встретить какого-то почитателя своего таланта, но в то время, когда она обернулась к входным дверям ресторана, я был уже готов излить свою ярость, убегая по парижским улицам, чтобы сдержать оглушительный крик моей души...

X

Рафаэль обладал жизнерадостным характером. У него был цвет лица человека, который дружит с солнцем и ветром, блестящие детские глаза и волосы с постоянно торчащими в них колючках. Он очень любил развлекаться со своей сестрой, но иногда, невзирая на весь его энтузиазм, он становился неразговорчивым и нуждался в том, чтобы замкнуться в своих собственных фантазиях. Он уходил тогда со своим псом Спифом, великолепным черным лабрадором с белым воротничком на шее, и они направлялись в сторону парка Лорье, который находился в двух шагах от дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.